

ПОДГОТОВКА АРТИСТОВ БАЛЕТА

УДК 7.067; 929; 94(47).084.3

«ПЯТЬ ЯЩИКОВ С СУХАРЯМИ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ»: БЫТ ВОСПИТАННИКОВ ПЕТРОГРАДСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА В ПЕРИОД «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

*Сакардина Е. А.*¹

¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186.

В статье, посвященной малоизученному периоду истории Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой, быт воспитанников Петроградского театрального училища в период «военного коммунизма» описан на основании фактов, выявленных при работе с архивными материалами, и дополнен фрагментами воспоминаний об учебе в Петроградском театральном училище, нашедших отражение в документальных источниках.

Ключевые слова: Петроградское театральное училище, Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, история хореографического образования, «военный коммунизм», фронтовые пайки, И. М. Мысовский, А. Н. Маслов, А. А. Облаков.

«FIVE BOXES OF RUSKS FOR PUPILS». LIFE OF STUDENTS OF THE PETROGRAD THEATRE SCHOOL DURING THE PERIOD OF «WAR COMMUNISM»

*Sakardina E. A.*¹

¹ The Herzen State Pedagogical University, emb. Moika, 48, St. Petersburg, Russian Federation, 191186.

The article is dedicated to a little-studied period in the history of The Vaganova Ballet Academy. The life of students of the Petrograd State Theater School during the period of «war communism» is described on the basis of archival materials and supplemented with fragments of memories of studying at the Petrograd Theater School reflected in documentary sources.

Keywords: The Petrograd State Theater School, Vaganova Ballet Academy, history of choreographic education, «war communism», front-line rations, I. M. Mysovsky, A. N. Maslov, A. A. Oblakov.

Периодом «военного коммунизма» в отечественной историографии принято называть время мобилизации экономики с весны 1918 года по март 1921-го. Петроград в то время существовал в условиях продовольственного, топливного и транспортного кризиса. В истории первой в России, одной из старейших балетных школ в мире — Петроградского театрального училища (ныне Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой) — этот период пришелся на четыре (с 1917/18 по 1920/21) учебных года и был исключительно тяжелым в бытовом отношении. Несмотря на все трудности учебная деятельность практически не останавливалась: велся прием новых учеников, продолжалась активная творческая жизнь.

Сведения о быте Петроградского театрального училища (далее — Училище) содержатся в архивных документах, относящихся в основном к административно-хозяйственной деятельности Училища. Кроме того, бытовые подробности нашли отражение в воспоминаниях артистов балета, чьи годы учебы выпали на период «военного коммунизма»: А. Д. Даниловой, М. М. Михайлова, Н. М. Стуколкиной, В. С. Костровицкой, Т. М. Вечесловой, Г. С. Улановой.

После революции Училище возглавлял директор: новая должность появилась в августе 1917-го [1, с. 68]. За период «военного коммунизма» сменились три директора: Иван Мануилович Мысовский (август 1917 — август 1918-го) [2, л. 5], Александр Николаевич Маслов (сентябрь 1918 — февраль 1919-го) [3, л. 5, 6], Андрей Александрович Облаков (март 1919 — июнь 1926-го) [4, л. 6]. Во второй половине 1918 года Училище было включено в систему Единых трудовых школ, но во многом продолжало жить по своим, давно заведенным правилам.

Дети проводили в Училище ежедневно по 10–12 часов, так как обучение, кроме получения профессионального и общего образования, предполагало обязательное участие воспитанников в репетициях и спектаклях государственных театров и в школьных спектаклях. Постоянное пребывание воспитанников в Училище было возможно благодаря интернату, в котором жило большинство учащихся; лишь немногие были приходящими. Жившим в интернате воспитанникам предоставлялось питание, одежда и обувь, а медицинское обслуживание полагалось всем детям.

Положением «Об Единой Трудовой Школе РСФСР» устанавливалось совместное обучение девочек и мальчиков [5, с. 1026]. В Училище оно оставалось в своей прежней форме: на уроках по общеобразовательным дисциплинам

детей рассаживали по колонкам — девочки отдельно от мальчиков (такая практика была введена постепенно в период с 1905/06 по 1909/10 учебный год [6, л. 1–9 об]). Совместными были уроки балльных (т. е. историко-бытовых) танцев, уроки поддержки (т. е. дуэтно-классического танца) и репетиции. Остальное время девочки и мальчики проводили отдельно друг от друга.

С 1836 года Училище располагалось в лицевом корпусе дома № 2 по Театральной улице (с 1923-го — ул. Зодчего России). Женское и мужское отделения («половины») находились на разных этажах здания: женское — на втором (нынешнем третьем) этаже, мужское — на третьем (нынешнем пятом) этаже¹. Отделения были изолированы друг от друга, и в каждом имелись свои танцевальные залы, учебные классы и интернат, включавший спальню, столовую, лазарет и блок хозяйственных помещений (гардероб, умывальня и т. д.) [7, с. 34]. Общая кухня находилась во дворе на втором этаже поперечного северного флигеля (под репетиционным залом). В Училище был театр (на отделении девочек) и домовая церковь (на отделении мальчиков), во внутренних дворах — баня и два сада.

В 1917/18 учебном году интернат Училища был закрыт из-за проблем продовольственного снабжения Петрограда [8, л. 4–4 об.]. В тот год все воспитанники стали приходящими, что принципиально изменило режим обычного функционирования учебного заведения. Вместо четырехразового бесплатного питания воспитанники получали лишь одно платное — горячий завтрак с чаем в полдень [8, л. 4 об.] — и поэтому вынуждены были уходить обедать домой. Уроки, даже классического танца, проводились с перебоями и в сокращенном объеме, сценическая практика свелась к участию воспитанников в спектаклях государственных театров. За 1917/18 учебный год Училище подготовило только один свой спектакль — выпускной (в программе mimo-пьеса [мимическая пьеса] «То был сон», балет «Времена года» и дивертисмент).

Открыть интернат предполагалось в начале нового 1918/19 учебного года. Но помещения кухни и одной из столовых оказались занятыми общественной столовой, открытой по договоренности с Отделом гостеатров с июня 1918 года лишь на время летних каникул [9, л. 3]. Однако к началу учебного года она все еще продолжала работать.

Положением «Об Единой Трудовой Школе РСФСР» устанавливалось бесплатное обучение и обязательное посещение школ всеми учащимися

¹ Здание Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой на ул. Зодчего России изначально считалось трехэтажным (по числу основных этажей). Встроенные в объем основных, верхние полуэтажи (помещения с низкими потолками и с окнами во двор) назывались антресолями. В настоящее время нумерация этажей ведется с учетом антресолей: соответственно, антресоли первого этажа считаются вторым этажом, второй основной этаж — третьим и т. д.

в возрасте до 17 лет [5, с. 1026]. Для реализации последнего условия требовалось обеспечивать детей питанием, поэтому кухня и столовая были необходимы. Тем не менее к концу ноября 1918 года помещения так и оставались занятыми, несмотря на неоднократные ходатайства представителей администрации Училища к заведующему Отделом гостеатров И. В. Экскузовичу и заведующему общественной столовой [9, л. 4–5]. Нормальное питание воспитанников не обеспечивалось. Кроме того, в здание Училища был открыт доступ посторонним — всем посетителям общественной столовой. Все это происходило в разгар эпидемии сыпного тифа. В декабре директор Училища А. Н. Маслов в обращении к школьному врачу и заведующему медсанчастью Отдела гостеатров Л. Ф. Бруннеру указывал, что помещение столовой не проветривалось, на кухне — «несметное количество тараканов, в чане для мытья посуды также моют голову, лицо и руки» [9, л. 7–7а], посетители столовой входили в верхней одежде и галошах. А. Н. Маслов просил Л. Ф. Бруннера о содействии. Вероятно, сделанное Л. Ф. Бруннером заключение о неудовлетворительном санитарном состоянии помещений решило исход дела: в феврале 1919 года общественная столовая, наконец, была закрыта. Часть посуды, предоставленной Училищем, не была возвращена, а кухонная утварь оставлена в негодности [9, л. 8].

По-видимому, именно эта испорченная утварь оказалось годной для использования «джазбандом», организованным воспитанником Петром Гусевым и другими мальчиками старших классов. По воспоминаниям Веры Костровицкой, в оркестре «состав инструментов был следующим: дырявые медные кастрюли, сворованные из кухни, старые консервные банки, найденные во дворе, кочерга, гребенки...» [10, л. 28 об.]. С появлением этого оркестра вечерами из отделения воспитанников стала доноситься не только музыка Шопена и Бетховена в прекрасном исполнении Георгия Баланчивадзе, но и «отчаянный грохот “посуды”» [10, л. 28 об.].

Открытие интерната и возвращение к нормальному режиму функционирования стали важнейшими шагами для налаживания учебы и восстановления творческой жизни в Училище. Оставалось совсем немного времени до выпускных спектаклей, намеченных на 13 и 15 апреля 1919 года в Михайловском театре [11, л. 3–6]. Подготовка к ним шла полным ходом, но это не помешало одновременно организовать на сцене учебного театра еще один спектакль с участием воспитанников [11, л. 1 об., 2]. После выпускного на школьной сцене прошел спектакль [11, л. 7 об., 8] «в пользу недостаточных учеников» [2, л. 81 об.]. Воспитанники, жившие в интернате, продолжили выступать даже на каникулах: с июня по август 1919 года в Училище прошло три спектакля с их участием [11, л. 11, 15–15 об.; 12, л. 1].

С открытием кухни вернулись к четырехразовому питанию, но оно было очень скудным. К тому времени положение с продовольствием в Петрограде стало катастрофическим. Завтрак воспитанников часто состоял из одной лишь чашки чая, а ужин — из ломтика черного хлеба, кусочка селедки и кружки пустого кипятка. Лакомством считался «кусоч черного пирога из картофельной шелухи» [13, с. 24], принесенный кем-то из родителей в приемные дни.

Нормы питания для учащихся определялись правительственным постановлением «Об усилении детского питания». В перерасчете на день каждому учащемуся полагалось: около 100 г хлеба, 30 г крупы, 20 г жиров, 10 г сахара или 20 г меда, 40 г мяса или рыбы, яиц — 2 штуки в неделю [5, с. 926]. Училище получало продукты через районную Продовольственную управу, региональный Комиссариат продовольствия, Отдел питания учащихся Наркомпроса и другие распределяющие организации Петрограда.

Подробности о питании воспитанников Училища содержатся в архивном деле «Переписка с организациями о снабжении училища продовольствием». Из дела следует, что даже минимальная дневная норма хлеба для учащихся, составлявшая около 100 г (т. е. $\frac{1}{4}$ фунта, в обиходе — «четвертушка»), выдавалась не всегда. Так, на первую половину марта 1919 года по нормам должны были получить 255 кг хлеба, а получили только 166 [14, л. 13–13 об.]. Другие продукты, положенные детям, могли не выдаваться вовсе. Кроме того, снабжение было нерегулярным.

Вместе с тем скудные пайки хлеба на столе воспитанников могли «по случаю» смениться деликатесами. Например, в феврале 1919 года пришли продукты с коротким сообщением от секретаря Наркомпроса: «По поручению Народного Комиссара А. Луначарского посылаю пять ящиков с сухарями для учащихся школы» [14, л. 8], а буквально два дня спустя заведовавший продовольствием Училища Д. Д. Бочаров сообщил в бухгалтерию склада Отдела питания учащихся Наркомпроса, что по ордеру вместо заказанных 63 кг икры поступило только 54 кг, и просил привезти недостающее [14, л. 9].

Ситуация с питанием осложнялась в выходные и праздничные дни. По обыкновению в эти дни воспитанники находились в Училище и были заняты на репетициях перед вечерними спектаклями в театре, а питание для них не выделялось. Директор А. А. Облаков ходатайствовал в Отдел отдела питания Наркомпроса о снабжении продуктами во все без исключения дни, поскольку для балетной школы все дни недели рабочие, и о переводе учащихся из-за двойной нагрузки «на довольствие первой категории» [14, л. 14–14 об.]. Дети систематически недоедали, и директор раз от разу пытался через распределяющие организации заказать для них продукты большой питательной ценности, так называемые «ненормированные»: осетрину, икру, сельдь, дичь, какао и другие.

Илл. 1. Стакан Петроградского
театрального училищ с эмблемой
императорских театров.
Фарфор, подглазурная роспись, перв. четв.
XX в. Экземпляр из личного собрания
И. А. Юхнович

Несмотря на эпизодические улучшения ситуации с поставками, в целом дела со снабжением едой обстояли очень плохо, и воспоминания о постоянном голоде сохранились у многих, учившихся в те годы.

Контрастной была и сервировка. К неприхотливому обеду и ужину, как и прежде, подавалось столовое серебро, «тарелки тонкого саксонского фарфора — белые с синей каймой, с царской короной...», такие же чашки, но уже попеременно с жестяными кружками... — взамен разбитых чашек» [15, с. 15] (см.: илл. 1). Скатерти со столов исчезли.

Положенный по нормам сахар (в количестве одной чайной ложки в день) у детей был главным ингредиентом для приготовления де-

сертвов. В воспоминаниях Галины Улановой сохранился такой рецепт: «На четвертушку черного хлеба мы посыпали немножечко сахарного песка и капали теплой воды, это становилось любимым лакомством — нашим “пирожным”» [15, с. 15]. Другой способ приготовления описан Татьяной Вечесловой: «Иногда кто-нибудь из нас раздобывал где-то немного ржаной непросеянной муки. Мы наливали в нее воду, прямо из-под крана, долго взбивали. Получался пышный великолепный “мусс”. <...>. Подкопив сахар, мы клали его в “мусс”. ...Какое это было восхитительное лакомство!» [13, с. 21].

Случалось, что появлялись в жизни детей и настоящие кондитерские изделия. В неопубликованных воспоминаниях Веры Костровицкой описано, как однажды ночью, «когда все спали, на наши кровати полетели плитки настоящего шоколада» [16, л. 10]. Этот необычный эпизод нашел отражение в документах Училища. Директор А. А. Облаков официально сообщил заведующему балетной труппы и педагогу Училища Л. С. Леонтьеву, что инцидент произошел в ночь с 17 на 18 апреля 1920 года. Его участниками были трое воспитанников выпускного класса: Владислав Кохановский, Кирилл Журавлёв и Михаил Дудко. Они проникли на женское отделение через выбитое стекло в двери репетиционного зала (ныне — зал имени Мариуса Петипа), примыкавшего к интернату девочек. Оставив в спальне «10 плиток шоколада и 5 листов бумаги с четверостишиями» [17, л. 3], юноши убежали, испуганные появлением горничной.

В прежнее время такое «романтическое» происшествие вызвало бы скандал и стоило бы воспитанникам отчисления. Теперь же, для облегчения их вины, директор А. А. Облаков уточнил, что воспитанниц в ту ночь в спальне не было, что вряд ли могло быть правдой. До выяснения обстоятельств дела все трое участников были исключены из интерната [17, л. 3 об.]. Однако в итоге Л. С. Леонтьев рассудил, что проступок нарушителей — нетяжелый, и, не желая «портить им репутацию для дальнейшей службы» [17, л. 7], распорядился лишь вынести виновным строгий выговор в присутствии всего интерната.

Улучшение ситуации с питанием в Училище наметилось только к весне 1920 года. Это было связано с возможностью получать самые большие из классовых пайков — красноармейские. Красноармейский паек подразделялся на фронтовой и тыловой (меньший по объему продуктов). В ноябре 1919 года Управление петроградских гостеатров договорилось о сотрудничестве с 7-й армией Западного фронта. Артисты должны были обслуживать действующие фронтовые и тыловые части, а взамен они и служащие гостеатров получали красноармейские пайки: артисты — фронтовые, служащие — тыловые [18, с. 68].

Артисты гостеатров (790 человек) были зачислены на продуктовое довольствие при отделе снабжения 7-й армии с 1 января 1920 года [19]. Местный комитет Училища ходатайствовал о получении красноармейских пайков весной 1920-го [20, л. 19]. Находившееся в ведении Управления гостеатров Училище должно было получать тыловые пайки, но добилось получения фронтовых на том основании, что воспитанники участвовали в спектаклях гостеатров для 7-й армии. В расчете на месяц во фронтовой паек входило количество продуктов [21, с. 219], которое в 3–8 раз превосходило положенное по нормам для учащихся.

Пайки поступали с перебоями [17, л. 8]. В таких случаях директору А. А. Облакову приходилось обращаться за помощью к руководству балетной труппы ГАТОБа. Получая табак, входивший в красноармейский паек, воспитанники либо курили, либо пытались продать или обменять его. И то, и другое было нежелательным, поэтому табак в пайках просили заменять чем-то «более подходящим для детей» — например, сахаром или сладостями [22, л. 10 об.].

Летом 1920 года директору А. А. Облакову удалось организовать для воспитанников и служащих Училища выезд на дачу в Детское Село (бывшее Царское Село) [23, л. 1–1 об.]. На даче воспитанники продолжали учиться как специальным, так и общеобразовательным предметам, что позволило восполнить пропуски занятий, отмененных зимой из-за чрезвычайного холода в Училище [23, л. 3]. Каждое воскресенье воспитанники выступали с концертами для колоний Детского Села и соседнего Слуцка (бывшего Павловска) [23, л. 18]. Интенсивная программа летних выступлений была намечена не случайно:

благодаря этой работе воспитанники и служащие в каникулы продолжили получать красноармейские пайки [23, л. 22].

Еще одной проблемой в период «военного коммунизма» был холод в Училище. До революции помещения площадью около 6 000 м² отапливались передовой системой конвекционного центрального отопления (около 80-ти аммосовских печей) [24, л. 1], подобной той, что использовалась в Зимнем дворце. С усилением в Петрограде топливного кризиса топить такое количество печей стало нечем. Осенью 1918 года в Училище топились всего 31 печь [25, л. 26].

Александра Данилова вспоминала, как в начале топливного кризиса мальчики в сопровождении воспитателей регулярно поднимались на чердак Училища, чтобы собрать для растопки печей распатавшиеся половицы [26, с. 45], и постепенно разбирали пол и мебель, которая там хранилась. В шутку она замечала, что «шло время, и мы удивлялись, что здание все еще стоит» [26, с. 48].

По воспоминаниям Веры Костровицкой, часть дров «по случаю» добывал бывший законоучитель Училища о. Василий Пигулевский. Он искал в городе подряды «на распилку бревен, старых ворот сараев, очистку заваленных мусором подвалов и т. п.» [16, л. 10]. Работу вместе с о. Василием выполняли мальчики из старших классов, в качестве оплаты они получали часть досок, которые шли на отопление Училища. Примерно через год найти в Петрограде дрова стало почти невозможно.

В ноябре 1919 года температура в залах и классах Училища опускалась до +5–7°, практически сравниваясь с температурой на улице. «В классах чернила превращались в лед, на уроках мы сидели в шубах и валенках. Классическим танцем занимались в теплых шерстяных платьях, поверх которых были надежды платки или кофты» [13, с. 21–22], — вспоминала Татьяна Вечеслова. Тогда администрацией Училища было решено все занятия по общеобразовательным дисциплинам проводить в нескольких отапливаемых классах на женском отделении, а уроки танцев «временно прекратить» [27, л. 10]. Чтобы как-то поддерживать воспитанников, директор А. А. Облаков распорядился подавать детям 2–3 раза в течение дня горячий чай, по возможности со сладостями [14, л. 36].

Отвлекаться от тяжелой бытовой действительности воспитанникам помогала огромная увлеченность своей профессией. По воспоминаниям Веры Костровицкой, «...озябших, полуголодных нас радовали возможности поработать — потанцевать...» [10, л. 28]. На сцене театра Училища постоянно устраивались спектакли и концерты. Когда осенью 1919 года был организован драматический кружок под руководством преподавателя истории Д. Д. Бочарова, воспитанники стали включать в свои школьные спектакли небольшие пьесы. Так, 25 декабря 1919 года прошел «Художественный вечер», устроенный учениками выпускных и старших классов. В программе, кроме танцевальных

номеров, были короткие комические пьесы: «Медведь» А. П. Чехова, «Летняя картинка» Т. Л. Щепкиной-Куперник [12, л. 2–2 об.]. Вечер имел большой успех, и программу повторили 7 и 15 января 1920 года. [12, л. 3–3 об.]. 12 марта того же года в Училище прошел спектакль с участием воспитанников всех классов. Был представлен 2-й акт балета «Коппелия» и дивертисментное отделение [12, л. 4]. В дивертисменте выступили воспитанницы младших классов, известнейшие в будущем балерины Марина Семёнова, Галина Уланова и Татьяна Вечеслова. Последняя оставила прекрасные воспоминания о том времени: «У нас, детей, была такая влюбленность в свое дело, в театр, во все связанное с ним, что, казалось, отними это — и кончится жизнь. Мы любили свою школу до самозабвения» [13, с. 15].

Следующей зимой к нехватке дров прибавилась нехватка самих печей. В отсутствие должного технического обслуживания часть аммосовских печей пришла в негодность. Еще до наступления зимы, в ноябре 1920 года, температура в помещениях Училища стала критически низкой, и доктор Л. Ф. Бруннер выступил с требованием установить временные печи в общеобразовательных классах, чтобы довести температуру до минимально допустимых $+10-12^{\circ}$ [22, л. 14 об.], а также с требованием ежедневно отапливать мужской и женский лазареты «тремя вязанками дров» [22, л. 14].

Спальни интерната по-старому называли «дортуарами», но, по выражению Галины Улановой, «не по-старинному зимой там было очень холодно» [15, с. 15]. Спальня на женском отделении — большой зал площадью около 300 м^2 с высокими потолками (см.: илл. 2) — отапливалась одной круглой железной печью.

Девочкам приходилось спать одетыми, а для тепла набрасывать поверх одеял покрывала с кроватей, тиковые в бело-синюю полоску, и «штурмом» взятые свободные подушки: «...по две, по три — лишь бы побольше, лишь бы согреться» [13, с. 21]. Спальню на мужском отделении — зал по размеру такой же большой, как на женском, — отапливать было нечем. Чтобы хоть как-то спастись от невыносимого холода, в ту зиму окна спальни воспитанников пришлось завесить «сукнами» — кулисами и занавесами, взятыми из учебного театра [22, л. 17].

Илл. 2. Спальня (дортуар)
на женском отделении, посл. четв. XIX в.
Фотография из фонда КИРБ им.
М. Х. Франгопуло Академии
Русского балета имени А. Я. Вагановой

Трудно представить, но в такой холод воспитанники по давно заведенному правилу продолжали по утрам обливаться ледяной водой. Ежеутренняя мучительная процедура происходила в так называемой «умывалке» — квадратной с двумя окнами комнате, через коридор от спальни. Стоявший в центре комнаты умывальник поражал своим необычным видом и описан во многих воспоминаниях. Умывальник представлял собой круглую медную конструкцию, по выражению Веры Костровицкой, «величиной с беседку» [16, л. 2] (в действительности диаметром около 1,7 м), с большим резервуаром в центре и выводами для воды по окружности. Часть выводов с подшибалом² — для мытья лица и рук, и «два стручка» [28, с. 19] — для мытья до пояса. Нине Стуколкиной умывальник напоминал «огромный самовар» [29, с. 18] со множеством кранов по бокам.

Бывало, «умывалка» становилась местом для игр. Так, по воспоминаниям Веры Костровицкой, впечатленные просмотром немого эпического художественного фильма «Нетерпимость» американского режиссера Д. Гриффита, воспитанники еще много дней «играли потом в умывалке в Ассирию-Вавилонию» [10, л. 6]. Особенно им запомнился эпизод фильма под названием «Падение Вавилона». Разыгрывая его, Лидия Иванова изображала девушку с гор, а на мужском отделении Георгий Баланчивадзе — вавилонского царевича Валтасара.

Еще одним правилом Училища, сохранявшимся с XIX века, была ежедневная прогулка воспитанников. Дети гуляли в течение получаса после полуденного завтрака. Девочки — отдельно от мальчиков. Местом прогулки обычно был один из садов Училища. Один-два раза в неделю на прогулку выходили в город. Маршрут был неизменным: от Училища до площади Чернышева (с 1948-го — пл. Ломоносова), по набережной Фонтанки до Аничкова моста, и назад в Училище тем же путем, либо вкруговую — через Невский проспект. На прогулке воспитанники должны были ходить парами, мальчики в сопровождении воспитателя, девочки — классной дамы (с конца 1918 года — воспитательницы) и швейцара, если прогулка была на улице.

Отсутствие отопления было далеко не единственной проблемой эксплуатации здания. Училище нуждалось в регулярном текущем ремонте своих многочисленных помещений, но в условиях «военного коммунизма» делать это было чрезвычайно сложно. Своих средств на ремонт у Училища не было, а обращения в Отдел гостеатров не приносили результатов. В короткий срок в здании, бывшем недавно в образцовом порядке, наступила разруха.

² Подшибало — металлический стержень (шток) в конструкции рукомыльника, открывающий воду нажатием снизу.

Картина состояния Училища представлена в акте санитарного осмотра всех зданий Петроградских гостеатров, проведенного по предписанию заведующего Отделом гостеатров с 27 июня по 1 июля 1919 года комиссией во главе с доктором Л. Ф. Бруннером. Из акта следует, что в доме 2 по Театральной улице на всех черных лестницах лежит «мусор, кал домашних животных» [30, л. 39], на кухне Училища «непозволительно грязно: всюду мусор, отбросы, пол грязный <...>, на стенах копоть, паутина, столы неопрятные, медная посуда не чищена...» [30, л. 40]. Отмечено неудовлетворительное состояние всех уборных здания, в особенности на верхних этажах, куда по трубам не доходила вода. Во всех четырех внутренних дворах Училища — «кучи неубранного мусора и отходов. <...> помойные и мусорные ямы переполнены настолько, что... образуют около ям целые горы нечистот, например, ...рыбных отбросов...» [30, л. 39]. Из помещений, относящихся к Училищу, комиссия также осматривала баню, отметив ее неопрятность: грязь на стенах и отсутствие вешалок в раздевальне [30, л. 39 об.].

К лету 1920 года пришли в негодность пол сцены и электрическая проводка учебного театра. Согласно рапорту заведующего Хозяйственной частью Училища П. К. Шатилова, ремонт необходимо было закончить к началу учебного года, «в противном случае театром пользоваться будет нельзя» [22, л. 1 об.]. Театр был центром творческой жизни воспитанников. На его сцене проходили занятия по актерскому мастерству, называемому тогда мимикой, многочисленные репетиции и спектакли. Именно на этой сцене в одном из школьных концертов свою первую постановку представил воспитанник выпускного класса Георгий Баланчивадзе — будущий всемирно известный балетмейстер Дж. Баланчин. Элегический любовный дуэт на музыку романа «Ночь» А. Рубинштейна был исполнен воспитанниками старших классов Ольгой Мунгаловой и Петром Гусевым. Вера Костровицкая в своих воспоминаниях назвала этот номер событием в жизни Училища [31, л. 11].

К весне 1921 года в здании накопилось столько неисправностей, что это стало угрожать нормальному функционированию Училища. Требовалась установка новых печей взамен неисправных, а также там, где раньше их не было; ремонт всех уборных на отделении мальчиков, «совершенно бездействующих уже более двух лет»; циклевка полов в танцевальных залах мужского и женского отделений, так как те «пришли в такое состояние, при котором занятия танцами не могут производиться без риска получить увечье» [17, л. 36–36 об.].

До революции воспитанникам Училища полагалось носить форменную одежду, включавшую одежду для ношения в будни и праздники, в также верхнюю одежду по сезону. Форма была принята Уставом 1863 года (§ 92, 93) [32, с. 333]. Форма для мальчиков была частично изменена в 1882 году [33, л. 11]. Одежда для занятий танцами в Уставе не регламентирована, но была определенного вида. Несколько лет после революции

интернатские воспитанники продолжали носить императорскую форму, оставшуюся в запасах Училища, а приходящие носили свою одежду. На занятиях классическим танцем форма была обязательной для всех.

Исторически девочек в Училище всегда было больше, и запасы женской формы позволили обеспечивать девочек почти полным комплектом одежды. А дефицит мужской формы возник быстро, особенно верхней одежды. Кроме того, в период «военного коммунизма» свободный рынок товаров постоянно сокращался и приобрести готовую одежду или хотя бы материалы для пошива новой было крайне трудно. Эту проблему в декабре 1918 года пытался решить директор Училища А. Н. Маслов. Он обратился с просьбой в Текстильную секцию Совета народного хозяйства Северного района: «... прошу отпустить <...> готовые, сшитые ученические тужурки и брюки к ним, в количестве 17 пар» [34, л. 6–7].

О нехватке верхней одежды вспоминал Михаил Михайлов: «...гардероб воспитанников школы давно не обновлялся и пришел в самое жалкое состояние; черные суконные шинели едва предохраняли от пронизывающей сырости» [35, с. 25]. Частично этот вопрос решался оригинальным способом, описанным Верой Костровицкой: «...мы и мальчики ходили в прежней казенной форме, но поверх кутались в старые “банные” пальто, которые прежде одевали специально для отправки в баню» [16, л. 7]. Нина Стуколкина оценивала такой неприметный внешний вид воспитанников оптимистично: «...щеголяли в стеганых на вате, очень длинных пальто в форме кишки <...> в голодные и холодные годы, этот наряд оказался незаменимым — он хорошо защищал от мороза и не привлекал внимания грабителей» [29, с. 19]. Однако не всем посчастливилось получить такую одежду. Некоторым интернатским детям зимой 1919/20 годов за неимением теплых вещей пришлось носить пальто, «сшитые из старых портьер» [17, л. 16].

На уроках классического танца также приходилось одеваться как «для путешествия на Северный полюс» [10, л. 28] и долго разогреваться, постепенно снимая с себя лишнюю одежду (см.: илл. 3).

Незаменимым для девочек оказался «казенный» шерстяной голубой платок — на уроках танцев в нем можно было заниматься, повязавшись крест-накрест. Но, по воспоминаниям Татьяны Вечесловой, «...все это не могло заморозить нашей любви к своей работе. Мы чувствовали себя счастливыми» [13, с. 22].

Сложнее обстояло дело с обувью. Обувь нужна была и танцевальная, и уличная. В 1917/18 учебном году, когда не работал интернат, Училище должно было обеспечивать воспитанников только танцевальной обувью. Прежние запасы обуви не пополнялись с 1905 года, а купить новую было невозможно. Михаил Михайлов вспоминал, как «после обильных дождей с трудом можно было ступить без риска окончательно промочить наши насквозь прохудившиеся штиблеты» [35, с. 25].

Илл. 3. Воспитанницы Петроградского театрального училища, одетые для занятий классическим танцем в зале 2-низ, 1920/21 учебный год. Фотография из фонда КИРБ им. М. Х. Франгопуло Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой

Из сохранившейся переписки директора А. Н. Маслова с различными распределяющими организациями следует, что уже осенью 1918 года ходить было практически не в чем: «...детям приходится сразу после спектакля или репетиции с согретыми ногами <...> выходить на улицу в рваных сапогах, зачастую без подметок...» [34, л. 2–2 об.]. А. Н. Маслов просил об обуви для более чем сотни детей: 46 интернатских и 73 проходящих. Из дальнейшей переписки Училища с организациями по снабжению следует, что с приближением зимы ситуация не изменилась: в конце ноября 1918 года А. Н. Маслов обращался в Бюро по распределению предметов первой необходимости с просьбой отпустить обувь хотя бы только для воспитанников интерната: «...еще раз подтверждаю, что ощущается крайняя необходимость в сапогах и галошах, так как дети ходят почти без сапог...» [34, л. 4].

Ощущалась и острая нехватка танцевальной обуви. В Училище не нашлось целых танцевальных туфель даже для экзаменационного спектакля 1919 года. Директор А. А. Облаков вынужден был просить Гардеробное отделение гостеатров о бесплатном отпуске 34 пар танцевальных туфель для выпускников [36, л. 3].

Зимой 1920/21-го теплая обувь у воспитанников практически отсутствовала. Директор А. А. Облаков обращался с просьбами о получении обуви в Отдел гостеатров, напрямую в Наркомпрос, но безуспешно. Для решения проблемы с обувью он вынужден был обратиться Президиум СОРАБИС [37, л. 17–17 об.].

Закономерным итогом нескольких лет жизни в тяжелых бытовых условиях стали болезни детей. В августе 1920 года А. А. Облаков обращался в Петрокоммуну с просьбой о выдаче по 10 пудов огурцов и яблок для усиления питания воспитанников, «ввиду появившихся среди детей цинговых заболеваний» [14, л. 61]. Зимой 1920/21-го доктор Л. Ф. Бруннер сообщал директору А. А. Облакову, что за последнее время «в удручающей прогрессии» увеличивались случаи ревматических заболеваний и заболеваний верхних дыхательных путей (простудного характера) среди воспитанников. Бруннер видел две главные причины этого: крайне недостаточное отопление спален воспитанников и отсутствие у детей теплой обуви и чулок [38, л. 15–15 об.].

Следует отметить, что медицинское обслуживание в период «военного коммунизма» в Училище поддерживалось на возможно высоком уровне и здоровью воспитанников уделялось особое внимание. По распоряжению администрации Училища раз в неделю все воспитанники проходили врачебный осмотр. Вместе с тем велся ежедневный амбулаторный прием, для этого по настоянию доктора Л. Ф. Бруннера постоянно отапливалась одна комната женского лазарета [27, л. 13]. Ежедневный прием вел стоматолог, а вот от услуг «мозольного оператора» по экономическим соображениям отказались. По решению Л. Ф. Бруннера при травмировании ног медицинскую помощь учащимся мог оказать хирург [27, л. 11].

Период «военного коммунизма» завершился в марте 1921 года. Наиболее заметно он сказался на материальной стороне жизни Училища. Несмотря на разруху, холод в здании, отсутствие нормального питания и вещей первой необходимости, главной задачей по-прежнему оставалось поддержание высокого уровня обучения классическому танцу.

Эффективность профессионального обучения в Училище во многом зависела от особого распорядка жизни, который складывался и поддерживался на протяжении многих лет. Любое изменение этого порядка нарушало нормальное функционирование. Именно поэтому закрытие интерната на полтора года серьезно повлияло на работу Училища: количество уроков и репетиций было значительно сокращено. Тем не менее выпускные спектакли подготавливались в срок и проходили с успехом.

Полученный опыт работы при закрытом интернате оказался бесценным в последующие годы, когда количество воспитанников значительно возросло и принципиально изменилось соотношение интернатских и приходящих.

Несмотря на то, что большинство воспитанников стали приходящими, в Училище поддерживался привычный учебный и репетиционный процессы, регулярно давались спектакли, в том числе выездные. Занятость воспитанников в спектаклях гостеатров для армии обеспечивала им получение фронтовых красноармейских пайков.

Вместе с тем обширная сценическая практика давала воспитанникам свободу творческого самовыражения и чувство сопричастности балетному искусству, переданное во многих воспоминаниях. Эти воспоминания можно было бы посчитать данью цензуре, но из них строго к «советским», то есть написанным и опубликованными в советский период, можно отнести только книги Т. М. Вечесловой и М. М. Михайлова. Воспоминания А. Д. Даниловой выпущены в эмиграции, Н. М. Стуколкиной и Г. С. Улановой — в российский период, а неопубликованные записки В. С. Костровицкой представляют собой черновики, не подготовленные к публикации. Для учившихся в годы «военного коммунизма» это время запомнилось не столько трудностями, сколько необыкновенным творческим подъемом и дружеской атмосферой, царившей в Училище.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев П. Н. Петроградское театральное училище в марте – августе 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб.: ЭлекСис, 2016. С. 53–68.
2. Протоколы заседаний административно-исполнительной комиссии училища 1918–1919 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 23.
3. Маслов Александр Николаевич (личное дело) // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 2. Д. 490.
4. Облаков Андрей Александрович (личное дело) // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-260. Оп. 3. Д. 2458.
5. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. 1483 с.
6. О введении совместного обучения в балетном отделении // РГИА. Ф. 498. Оп. 1. Д. 5346.
7. Аспидов А. П. Здание Дирекции императорских театров на Театральной улице (историческая справка) // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2007. № 2 (18). С. 30–62.
8. Докладная записка инженера о закрытии пансиона при училище, список сторожей, заявления служащих, 1917 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 13.
9. Сведения об открытии общественной столовой в помещении училища, 1918–1919 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 30.

10. Костровицкая В. С. «1918/19 учебный год». Воспоминания. Автограф // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 20.
11. Программы концертов учащихся в 1918–1919 учебном году // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 21.
12. Программы концертов учащихся в 1919–1920 учебном году // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 43.
13. Вечеслова Т. М. Я — балерина. Л.–М.: Искусство, 1964. 272 с.
14. Переписка с организациями о снабжении училища продовольствием, 1919–1921 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 26.
15. Давлекмова С. А. Галина Уланова: Я не хотела танцевать / авт.-сост. С. А. Давлекамова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 277 с.
16. Костровицкая В. С. «Жорж Баланчивадзе. Андрей Александрович Облаков. Григорий Григорьевич Исаенко». Воспоминания. Автограф // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 21.
17. Переписка с заведующим государственной балетной группой по административно-хозяйственным вопросам, 1920–1921 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 46.
18. Слонимский Ю. И. Чудесное было рядом с нами: Заметки о Петроградском балете 20-х годов / общ. ред. И. Ступникова. Л.: Советский композитор, 1984. 264 с.
19. Западный фронт (1918–1920). Командующий. Приказы армиям Западного фронта. Смоленск: [б. и.], 1920. Приказ № 13 [пагинация отсутствует].
20. Протоколы заседаний местного комитета, 1919–1921 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 57.
21. Шувалов А. А. Материальное обеспечение командного состава РККА в период гражданской войны // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2–1. С. 217–220.
22. Протоколы заседаний административно-хозяйственного комитета, т. 2, 1919–1920 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 45.
23. Сметы на капитальный ремонт для училища, 1920–1921 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 49.
24. Список комнат и опись вещей и посуды в Театральном училище, 1921 г. // РГИА. Ф. 498. Оп. 1. Д. 6448.
25. Переписка с заведующим отделом государственных театров о снабжении продуктами, доклад о призыве на военную службу, именной список сотрудников, 1918 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 8.
26. Choura: The Memoirs of Alexandra Danilova. New York: Alfred A. Knopf, 1986. 214 p.
27. Протоколы заседаний административно-хозяйственного комитета. Т. 1. 1919–1920 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 44.
28. Лисовская Н. Воспоминания о Петроградском театральном училище // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 1995. № 4. С. 8–26.
29. Андреев А. Л. Дуэт. Балет и время. СПб.: Лань; Планета музыки, 2019. 392 с.

30. Декреты, постановления и инструкции Наркомпроса, 1919 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 88.
31. Костровицкая В. С. Воспоминания об учебе в Хореографическом училище в 1917–1919 гг.; об организации объединения «Молодой балет» // ОРИРК СПбГБ. Ф. 22. Оп. 5. Д. 10.
32. Борисоглебский М. Материалы по истории русского балета: в 2 т. Л.: Лен. гос. хореограф. училище. 1938. Т. 1. 379 с.
33. Дело по рапорту в должности директора императорских театров о выпуске из Театрального училища на службу к императорским театрам воспитанников и воспитанниц. Тут же о новой форме для воспитанников сего училища // РГИА. Ф. 472. Оп. 27. Внутр. оп. 404/1924. Д. 56.
34. Переписка с канцелярией Государственных театров о снабжении учащихся обувью и одеждой, 1918 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 25.
35. Михайлов М. М. Жизнь в балете. Л.–М.: Искусство, 1966. 316 с.
36. Документы об организации экзаменационных спектаклей (списки, справки, переписка), 1919–1921 гг. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 22.
37. Список воспитанников училища и переписка с Сорабисом о деятельности училища, 1919 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 41.
38. Списки преподавателей и учащихся, переписка с организациями по хозяйственным вопросам, 1921 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 55.

REFERENCES

1. Gordeev P. N. Petrogradskoe teatral'noe uchilishche v marte – avguste 1917 goda // Revolyuciya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady: sb. nauch. st. / red. kol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov. SPb.: EhleKSis, 2016. S. 53–68.
2. Protokoly zasedaniy administrativno-ispolnitel'noj komissii uchilishcha 1918–1919 gg. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 23.
3. Maslov Aleksandr Nikolaevich (lichnoe delo) // CGALI SPb. F. R-259. Op. 2. D. 490.
4. Oblakov Andrej Aleksandrovich (lichnoe delo) // CGALI SPb. F. R-260. Op. 3. D. 2458.
5. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva za 1917–1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M. 1942. 1483 s.
6. O vvedenii sovmestnogo obucheniya v baletnom otdelenii // RGIA. F. 498. Op. 1. D. 5346.
7. Aspidov A. P. Zdanie Direkcii imperatorskikh teatrov na Teatral'noj ulice (istoricheskaya spravka) // Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj. 2007. № 2 (18). S. 30–62.
8. Dokladnaya zapiska inzhenera o zakrytii pansiona pri uchilishche, spisok storozhej, zayavle-niya sluzhashchikh, 1917 g. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 13.

9. Svedeniya ob otkrytii obshchestvennoj stolovoj v pomeshchenii uchilishcha, 1918–1919 gg. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 30.
10. *Kostrovickaya V. S.* «1918/19 uchebnyj god». Vospominaniya. Avtograf // CGALI SPb. F. R-157. Op. 1. D. 20.
11. Programmy koncertov uchashchikhsya v 1918–1919 uchebnom godu // CGALI SPb. F. R 259. Op. 1. D. 21.
12. Programmy koncertov uchashchikhsya v 1919–1920 uchebnom godu // CGALI SPb. F. R 259. Op. 1. D. 43.
13. *Vecheslova T. M.* Ya — balerina. L.–M.: Iskusstvo, 1964. 272 s.
14. Perepiska s organizაციями o snabzhenii uchilishcha prodovol'stvиеm, 1919–1921 gg. // CGA-LI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 26.
15. *Davlekmova S. A.* Galina Ulanova: YA ne khotela tancevat' / avt.-sost. S. A. Davlekamova. M.: AST-PRESS KNIGA, 2010. 277 s.
16. *Kostrovickaya V. S.* «Zhorzh Balanchivadze. Andrej Aleksandrovich Oblakov. Grigorij Grigor'evich Isaenko». Vospominaniya. Avtograf // CGALI SPb. F. R-157. Op. 1. D. 21.
17. Perepiska s zaveduyushchim gosudarstvennoj baletnoj gruppoj po administrativno-khozyajstvennym voprosam, 1920–1921 gg. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 46.
18. Slonimskij Yu. I. Chudesnoe bylo ryadom s nami: Zametki o Petrogradskom baletе 20-kh godov / obshch. red. I. Stupnikova. L.: Sovetskij kompozitor, 1984. 264 s.
19. Zapadnyj front (1918–1920). Komanduyushchij. Prikazy armiyam Zapadnogo fronta. Smolensk: [b. i.], 1920. Prikaz № 13 [paginaciya otsutstvuet].
20. Protokoly zasedanij mestnogo komiteta, 1919–1921 gg. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 57.
21. *Shuvalov A. A.* Material'noe obespechenie komandnogo sostava RKKA v period grazhdanskoj vojny // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2–1. S. 217–220.
22. Protokoly zasedanij administrativno-khozyajstvennogo komiteta, t. 2, 1919–1920 gg. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 45.
23. Smety na kapital'nyj remont dlya uchilishcha, 1920–1921 gg. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 49.
24. Spisok komnat i opis' veshchej i posudy v Teatral'nom uchilishche, 1921 g. // RGIA. F. 498. Op. 1. D. 6448.
25. Perepiska s zaveduyushchim otделом gosudarstvennykh teatrov o snabzhenii produktami, doklad o prizyve na voennuyu sluzhbu, imennoj spisok sotrudnikov, 1918 g. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 8.
26. Choura: The Memoirs of Alexandra Danilova. New York: Alfred A. Knopf, 1986. 214 p.
27. Protokoly zasedanij administrativno-khozyajstvennogo komiteta, t. 1, 1919–1920 gg. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 44.
28. *Lisovskaya N.* Vospominaniya o Petrogradskom teatral'nom uchilishche // Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj. 1995. № 4. S. 8–26.

29. *Andreev A. L.* Dueht. Balet i vremya. SPb.: Lan'; Planeta muzyki, 2019. 392 s.
30. Dekrety, postanovleniya i instrukcii Narkomprosa, 1919 g. // CGALI SPb. F. R 260. Op. 1. D. 88.
31. *Kostrovickaya V. S.* Vospominaniya ob uchebe v Khoreograficheskom uchilishche v 1917–1919 gg.; ob organizacii ob"edineniya «Molodoj baleT» // ORIRK SPBTB. F. 22. Op. 5. D. 10.
32. *Borisoglebskij M.* Materialy po istorii russkogo baleta: v 2 t. L.: Len. gos. khoreograf. uchilishche. 1938. T. 1. 379 s.
33. Delo po raportu v dolzhnosti direktora imperatorskikh teatrov o vypuske iz Teatral'nogo uchilishcha na sluzhbu k imperatorskim teatram vospitannikov i vospitannic. Tut zhe o novej forme dlya vospitannikov sego uchilishcha // RGIA. F. 472. Op. 27. Vnutr. op. 404/1924. D. 56.
34. Perepiska s kancelyariej Gosudarstvennykh teatrov o snabzhenii uchashchikhsya obuv'yu i odezhdoy, 1918 g. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 25.
35. *Mikhajlov M. M.* Zhizn' v balete. L.–M.: Iskusstvo, 1966. 316 s.
36. Dokumenty ob organizacii ehkzamenacionnykh spektaklej (spiski, spravki, perepiska), 1919–1921 gg. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 22.
37. Spisok vospitannikov uchilishcha i perepiska s Sorabisom o deyatel'nosti uchilishcha, 1919 g. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 41.
38. Spiski prepodavatelej i uchashchikhsya, perepiska s organizacijami po khozyajstvennym voprosam, 1921 g. // CGALI SPb. F. R-259. Op. 1. D. 55.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сакардина Е. А. — магистрант; katyasakardina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sakardina E. A. — Master's student; katyasakardina@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-9535-5040